

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ, ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ВЗАИМОВЛИЯНИЕ, СБЛИЖЕНИЕ И АНТАГОНИЗМЫ*

В.Е. Чиркин

Сектор сравнительного права
Институт государства и права РАН
ул. Заменка, 10, Москва, Россия, 119 019

В статье рассматриваются отношения глобальных правовых систем: мусульманской, либерально-социального капитализма и тоталитарного социализма в том виде, как последний существует в пяти сохранившихся странах тоталитарного социализма (Вьетнам, Китай, Куба, КНДР, Лаос), где наряду с принципами социалистической экономики, хотя в самой разной степени (шире в Китае, почти незаметно в КНДР) существует частная собственность и признаются регулируемые государством рыночные отношения, а конституции включают положения о правах человека, разделении властей, правовом государстве, которые рассматривались ранее как буржуазные концепции. Говорится об антагонизме фундаменталистской семьи мусульманского права (Оман, Саудовская Аравия и др.) в отношениях с другими правовыми системами, а также об отдельных элементах сближения мусульманской семьи в «продвинутых», модернизирующихся странах (Египет, Ирак и др.) с другими системами

Ключевые слова: правовые системы, правовые семьи, либерально-социальный капитализм, тоталитарный социализм, антагонизм, взаимовлияние, частная собственность, регулируемая рыночная экономика.

Основоположниками системного подхода в сравнительном правоведении являются Рудольф Шлезингер (США — Великобритания — Германия), Эрнст Рабель (Германия), Рене Давид (Франция), Конрад Цвайгерт (Германия), Марк Ансель (Франция), Хайн Кетц (Германия), Родольфо Сакко (Италия).

Патрик Гленн (Канада) и другие создали новое направление в исследовании права, позволившее путем сопоставлений более глубоко постигать содержание различных правовых общностей. Они обычно использовали термины «система» и «семья» как тождественные, ставили в один классификационный ряд явления, разные по своей социальной сущности (например, романо-германскую и социалистическую семьи права).

* Статья выполнена в рамках НИР «Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур» на период 2013–2015 гг. (тема № 090404-0000).

На наш взгляд, понятие правовой системы и правовой семьи в научных исследованиях нужно разделить. Романо-германское (европейское континентальное) или англосаксонское право в Великобритании, США или Австралии (то и другое действует в различных группах стран, что видно из названий) являются действительно семьями в современной капиталистической системе права. Фундаменталистская, классическая семья (Оман, Саудовская Аравия и др.) и семья модернизирующегося мусульманского права (Египет, Ирак и др.) — это разные семьи мусульманской системы права со следами полуфеодальных элементов. Каждая из названных семей объединяет большую группу отдельных государств со своими национальными, но социально и социокультурно родственными правовыми системами.

Социалистическое тоталитарное право по своей сущности не родственно ни названным двум системам, ни, что естественно, входящих в них семьям. Это не особая семья ни в капиталистической, ни, разумеется, в мусульманской системах права, а правовая система совершенно иного социального характера, независимо от того, хороша она или плоха. Это очевидно. Возможно, что и в ней, наряду с ортодоксальной ленинско-большевистской семьей (последняя была представлена ранее советским правом, а сейчас — социалистическим правом с «национальной спецификой», например, в КНДР), зарождается новая семья социалистического тоталитарного права, которая свидетельствует о некоторых элементах сближения с системой капиталистического права (пока что главным образом в связи с регулированием экономики, о чем мы подробнее скажем ниже).

Правовые семьи и правовые системы, как это следует из выборочных названий стран выше, обе имеют глобальный характер, но семьи глобальных конституционных систем находятся «внутри» них, а не располагаются параллельно. Поэтому нельзя отождествлять системы и семьи и ставить их при классификациях в один ряд.

Представляется, что при выделении в современном праве, с одной стороны, правовых систем, и, с другой стороны, правовых семей (религиозно-правовые системы прошлого мы не рассматриваем) нужно использовать неодинаковые методологические приемы: сущностный формационно-цивилизационный подход для систем (критерий их социальной сущности) и социокультурологически-юридический подход, как элемент, одну из сторон цивилизационного анализа, — для семей (их социокультурное правовое содержание). Последнее включает сущность, но является более богатым, многосторонним, в результате чего на базе систем позволяет выделить их различные семьи.

Среди названных терминов общее понятие в науке существует только для формации («общественно-экономическая формация»), но лишь в марксизме, другие авторы его почти никогда не используют. Для терминов «цивилизация», «культура», «социокультура», «культурология», «право» имеются сотни определений. Для обоснования новых классификаций и решения проблем, указанных в заголовке статьи, мы пользуемся понятием общественно-экономической формации, как оно сложилось в российской науке (с уточнениями, преодолевающими излишний акцент на экономику), понятиями и характеристиками ци-

визации, как это представлено в исследованиях российского (позже американского) автора Питирима Сорокина [2], английского историка Арнольда Тойнби [3], российских авторов Б.Н. Кузика и Ю.В. Яковца [1]. Для выделения семей внутри глобальных правовых систем мы используем исследования по социокультурам, а также подход, который был заложен Г. Алмондом и С. Вербой при изучении гражданских, по существу политических, культур [4], но в данном случае в сфере права выявляется не вообще социокультурное и не социокультурно-политическое, а социокультурно-юридическое содержание правовых семей (социокультурное содержание в его юридическом выражении), и оно используется в качестве основания для выделения правовых семей внутри систем.

Все названные подходы, если их брать изолированно, имеют свои недостатки. Использование формационного подхода как одного из элементов научного анализа может давать достоверные результаты, но он схематизирует и обедняет действительность, а иногда приводит к ошибочным выводам, отвергая гуманистическое значение конституционного опыта человечества до создания социалистического государства «диктатуры пролетариата» (что толковалось как вершина политического развития до определенной стадии). Цивилизационный подход (в нем есть свой социальный элемент, отличный от формационного) учитывает многие стороны, которые игнорировались при формационном подходе, выявляет разновидности правовых семей внутри их «сущностных систем». Он обогащает познание, делает его более разносторонним, богатым, учитывающим разные стороны, выходящим за пределы только контрастного сравнения, присущего формационному подходу.

Еще более разносторонним и уточняющим характер правовых явлений является социокультурно-юридический подход к праву, его системам и семьям. Он дает более глубокое представление о собственно юридической материи права в связи с общей культурой тех или народов, их сообществ.

На наш взгляд, обогащенное современными представлениями и уточнениями формационное, цивилизационное, социокультурно-юридическое изучение систем и семей права, правовой действительности в ее самом широком толковании совместимо. Одно не исключает другого, все три подхода могут комбинироваться, и при учете сильных и слабых сторон каждого из них могут привести к истинным выводам.

В результате работ основоположников сравнительного системного анализа права понятие правовой семьи в научной литературе более или менее сложилось (хотя в основном применительно к Европе. С разными взглядами на виды и число семей и с указанным выше, на наш взгляд, неверным отождествлением с правовыми системами).

Понятие правовой системы используется в литературе неодинаково. В мире действует система международного права, основанная на согласовании воли различных государств. В каждом государстве существует своя, национальная правовая система (французская, бразильская, японская и др.). Вместе с тем мы видим, что существует значительное сходство между правовыми системами отдельно взятых государств. Похожие национальные системы права официально

действуют на разных континентах (еще шире те или иные положения некоторых систем права применяются в быту в разных странах). Мусульманское право действует не только в Саудовской Аравии или Афганистане, оно применяется в многомиллионных мусульманских общинах Индии, Франции, США и др., англосаксонское право действует, как говорилось, в странах разных континентов, романо-германское (европейское континентальное право) — во многих странах Африки (бывших колониях Франции, Испании, Португалии), в некоторых государствах Азии, Латинской Америки. На разных континентах применяется социалистическое тоталитарное право (например, на Кубе и в КНДР).

Таким образом, существуют не только глобальные правовые семьи, но и глобальные правовые системы, отличающиеся по своей социальной сущности. Социальная сущность мусульманского права с его главными источниками Кораном, Сунной, шариатом (1) совсем не то, что сущность капиталистического или социалистического права. Это очевидно (на принципиальное различие последних указывают даже их названия).

На наш взгляд, в настоящее время существуют три глобальные системы права, различающиеся по своим формационным и основным сущностно цивилизационным качествам: мусульманская правовая система (существуют около 20 мусульманских государств, по разным данным, в условиях действия мусульманского права живут около 1–1,6 млрд человек), либерально-полусоциальная капиталистическая система (приблизительно 4 млрд человек) и система права тоталитарного социализма (около 1,5 млрд человек, живущих во Вьетнаме, Китае, КНДР, Кубе, Лаосе).

Та или иная совокупность правовых семей, о которых говорили основатели системного изучения права, входят в определенную глобальную систему. Семьи права имеют ту же сущность, что и системы, в которые они входят, но внутри системы они отличаются по содержанию, социокультурно-юридическому характеру, по тем сторонам цивилизации, которые при единой сущности цивилизации, обусловленной формационными признаками, характеризуют многовариантность, многоцветность ее содержания. Поскольку сущность правовых семей внутри «своей» системы едина, взаимовлияния правовых семей, относящихся к одной и той же сущностной правовой системе, лишены антагонизмов.

Конечно, проникающие новые институты нарушают правовую непрерывность, они встречают сопротивление, но такие взаимоотношения не ломают сущности национальной системы права, формационной сущности семьи, к которой принадлежит национальная правовая семья, подвергающаяся правовому давлению извне, не меняют (и не могут изменить) сущности той или иной, названной выше, глобальной правовой системы,

Такое взаимовлияние является нередким между англосаксонской и европейской континентальной семьями, принадлежащими к системе либерально-полусоциального капиталистического права, между разными семьями мусульманской системы. Примерами могут служить не встретившая правового отторжения простая имплементация в право Великобритании в 1998 г. статей Европейской конвенции о защите прав человека 1950 г. (до этого многие права чело-

века регулировались в Великобритании судебными прецедентами) или проникновение в англосаксонское право (особенно в самой Великобритании) понятия юридического лица, используемого теперь наряду с традиционным понятием корпорации, а последнее понятие проникает в страны континента, в том числе оно применяется в России.

С другой стороны, хотя использование английской практики судебных прецедентов в европейском континентальном праве официально отрицается, оно иногда проявляется в какой-то форме и на континенте, что естественно: решения высших судов (особенно верховного) всегда имеют особый авторитет. Нередко такое влияние осуществляется через право Европейского Союза (через акты ЕС, в частности, через регламенты, имеющие обязательную силу для государств-членов, через решения Европейского суда по правам человека и др.). О последнем свидетельствует решения Конституционного Суда России (в РФ тоже континентальная система права). В континентальное право проникает англосаксонский тезис о возможности уголовной ответственности не только физических, но и юридических лиц.

В основных низамах фундаменталистской семьи и конституциях «продвинутых» мусульманских стран принципы Корана одинаково имеют непререкаемую силу, одинаково говорится, что основным источником законодательства является шариат, при решении вопросов используется принцип шуры (совещаний, обсуждений до достижения согласия). Однако в странах мусульманского фундаментализма (Бахрейн, Иран, Кувейт) появились конституции (что противоречит принципу: конституция — это Коран), да и принятие в других странах мусульманского фундаментализма основных низамов (Оман, Саудовская Аравия, ОАЭ), внешне похожих на конституции, подрывает этот принцип. Фундаменталистская семья сближается с модернизирующейся семьей мусульманского права, где давно есть конституции и выборы (частичные выборы в местные органы отдельных пригородов столицы впервые были проведены в 2005 г. в Саудовской Аравии).

Возможно, что в этих подвижках есть и факт влияния других правовых систем, прежде всего либерально-полусоциальной капиталистической, но в самих фундаменталистских странах это решительно отрицают, объявляя указанные факты принятия некоторых институтов простыми совпадениями. Что же касается юристов «продвинутых» мусульманских стран, то они, в частности ливанский автор Ч. Маррат, признают возможность совместимости институтов мусульманского и европейского права [5].

Взаимовлияние однотипных правовых семей имеет не только элементы сближения. Оно может иметь и элементы гармонизации. Это отчетливо показывает порядок правового регулирования в Европейском Союзе. Регламенты высших органов ЕС имеют обязательную силу и одинаковый порядок применения. Директивы тоже должны исполняться, но страны сами выбирают способ их осуществления. В родственных по своей сущности правовых семьях гармонизация, правда, до определенных пределов, может иметь место.

С взаимовлияниями названных выше глобальных правовых систем (мусульманской, либерально-полусоциальной капиталистической и правовой сис-

темы тоталитарного социализма) дело обстоит сложнее. Они различаются не только по своему содержанию, но и по своей социальной сути. Мусульманская система, несмотря на существенные изменения в «продвинутых» странах (республика вместо монархии, выборы, парламент и др.), своей основой имеет полуфеодалные принципы шариата, каким бы новым, осовремененным истолкованиям они не подвергались (2).

Современный капитализм отличается от прошлого, в частности, своей социальностью, и этим сближается с социалистической тоталитарной системой права, но его правовая система не полностью социальна, и в условиях капиталистического строя, где главный принцип — господство частной собственности, а главный стимул — стремление к максимальной прибыли, не может быть полностью социальной (полностью социальная правовая система возможна, видимо, в пока что неведомом нам ином общественном строе).

В условиях современного капитализма распределение общественного продукта тоже осуществляется не пропорционально собственности (капиталу) и труду, а с огромными преимуществами для первой. Хотя в передовых капиталистических странах существует развитое социальное законодательство, а доля труда в стоимости изделий (работ, услуг) составляет примерно 70%, собственник-олигарх получает доход в месяц иногда до 1 млрд долл. США, а самый высококвалифицированный рабочий и служащий — «белый воротничок» — не более нескольких тысяч долларов. При любой капиталистической системе, самой социальной, не может быть соответствия меры труда и меры потребления.

Нужно учесть также, что среди приблизительно 4 млрд человек, живущих в орбите этой системы, большинство находится не в развитых, а в развивающихся, иногда экономически довольно отсталых странах. Поэтому такую правовую систему мы и называем полусоциальной.

Как говорилось, в ее рамках взаимовлияние семей осуществляется сравнительно легко. Но она категорически противостоит влияниям мусульманского права, родившегося в такой общественно-экономической формации, которую свергли буржуазные революции XVII–XVIII вв. Никакой гармонизации между этими системами быть не может, хотя сближение модернизирующейся семьи мусульманского права с системой капиталистического, а иногда (правда, внешнее в связи с лозунгами социалистической ориентации в некоторых мусульманских странах) с социалистической системой права может иметь место. В обоих случаях такое сближение имеет односторонний характер: в сторону других систем движется одна из семей мусульманского права.

Сближение, но не гармонизация, возможны и между современной капиталистической правовой системой и современной социалистической.

В современных условиях в правовых системах капитализма и социализма происходят внутренние изменения. Возможно, что в отдельных странах тоталитарного социализма появляется новая, несколько осовремененная семья. Она отличается от той ортодоксальной правовой семьи, которая была, например, в СССР до 1936 г. (принятие новой Конституции СССР) и затем, несколько измененная, до 1977 г. Конституция 1977 г., в частности, провозгласила вместо дик-

татуры пролетариата общенародное государство и установила, что Коммунистическая партия действует в рамках Конституции. Некоторые изменения происходили и дальше, но правовая семья социализма (в том числе в зарубежных странах, возникших после Второй мировой войны) оставалась по своей сущности ленинско-большевистской.

Как упоминалось, современные изменения в существующих странах тоталитарного социализма относятся главным образом к сфере экономики, не затрагивают политическую систему, господство марксистско-ленинской идеологии, но они существенны, имеют фактический характер. Некоторые правовые (но не фактические) изменения относятся и к другим вопросам. Поправки, внесенные в Конституцию Китая 1982 г. в 1988–2004 гг., устанавливают не только допустимость, но и целесообразность частной собственности, частного предпринимательства, говорится о «социалистической рыночной экономике», о естественных правах человека, о правовом государстве. Многие из этих положений традиционно отвергались ортодоксальной социалистической семьей права.

В отличие от различий между правовыми семьями одних и тех же систем в основе различий между тремя названными глобальными правовыми системами находятся не только содержательные, юридико-социокультурологические, юридико-цивилизационные, но более глубокие сущностные различия, идущие от принципиального, социально-сущностного различия общественно-экономических формаций. Поэтому в отношениях таких правовых систем есть не только различия, но и противоречия, антагонизмы. Эти системы могут в какой-то мере сближаться, но они непримиримы, как и их семьи, входящие в разные глобальные системы.

В этих условиях вопросы о взаимовлияниях глобальных правовых систем, а также правовых семей, входящих в разные системы, о формах и пределах взаимовлияний решаются иначе, чем в отношениях родственных правовых семей.

В общей форме пока что можно лишь сказать, что такие взаимовлияния в названных системах не отвергают и не могут отвергать или изменять сущностных, формационных основ системы. Однако практика свидетельствует, что иногда такие влияния настолько глубоки, что затрагивают некоторые сущностные стороны системы. Примерами могут быть допущение в современных странах тоталитарного социализма частной собственности, в принципе отвергавшейся марксизмом, или, напротив, дополнение принципа формального, правового равенства в капиталистической системе принципом социальной (именно социальной) справедливости, что всегда считалось важнейшей стороной марксистско-ленинского подхода к положению личности, к государству, общественному строю, к праву.

Выше говорилось о процессах одностороннего сближения одной из мусульманских семей с другими глобальными правовыми системами. В отличие от этого сближение современной капиталистической и социалистической систем права имеет двухсторонний характер.

Одним из принципиальных различий в правовом регулировании в капиталистической и социалистической правовых системах изначально был вопрос о

частной собственности. Для первой частная собственность была основой экономических и социальных отношений, провозглашалась свобода частного собственника, а собственность объявлялась «священной и неприкосновенной» (ст. 17 французской Декларации прав человека и гражданина).

В правовой системе ортодоксального социализма, которая впервые была создана в советской России, частная собственность в соответствии с марксистско-ленинским подходом рассматривалась как основное зло, от которого исходит классовое неравенство и иные беды. Она была законодательно запрещена и на практике фактически ликвидирована. Разрешалась только социалистическая собственность на средства производства в двух ее формах (государственной и кооперативно-колхозной), а также личная собственность на предметы жизни, обихода, потребления (лишь в крупных городах кое-где сохранялись единичные частные парикмахерские, фотографии и другие подобные заведения, но без применения наемного труда).

Были также колхозные рынки, где продавались излишки сельскохозяйственных продуктов членами колхозов (коллективных сельских хозяйств). Нетрудовые доходы запрещались (ст. 13 Конституции СССР 1977 г.). Конституциями СССР 1936 и 1977 г., других социалистических стран (Албания, Болгария, Венгрия, Румыния и др.) было установлено неравенство форм собственности, государственная собственность объявлена высшей. Основные объекты экономики были исключительной государственной собственностью. Практически вся экономика в СССР была огосударствлена. Подобное регулирование, хотя в несколько смягченном варианте, существовало и в других странах тоталитарного социализма.

Современные конституции стран тоталитарного социализма допускают частную собственность. В некоторых из них она существует в ограниченном объеме (КНДР, немного шире на Кубе), в других странах, особенно в Китае, существуют крупные объекты частной собственности, в экономике есть значительный частный сектор, имеется множество долларовых миллиардеров. Во Вьетнаме таких миллиардеров, видимо, еще нет (про данным статистики за 2009 г. существовали лишь около 300 долларовых миллионеров).

В ходе дальнейшего развития в конституции вносились поправки, было установлено, что частная собственность не только допускается, она является важным и необходимым дополнением социалистического хозяйствования (Китай).

С другой стороны, изменялось положение частной собственности в правовой системе современного либерально-социального капитализма. Впервые отступления от принципов исключительной роли и абсолютной свободы частной собственности были сделаны еще в 1919 г. в Веймарской конституции Германии. Вместо прежней концепции неограниченности частной собственности была введена формулировка, что частная собственность обязывает, она должна выполнять социальную функцию. Позже такой подход был повторен в Основном законе Германии 1949 г., в некоторых новых конституциях стран Латинской Америки. Теперь считается, что частная собственность должна служить не только собственнику, но и использоваться в интересах общества.

Некоторые новые конституции капиталистических стран восприняли положение об объектах исключительной государственной собственности. Правда, к ним не были отнесены важнейшие объекты экономики, хотя некоторые из них имеют особое значение в специфических условиях некоторых стран (например, морское побережье и пляжи в Италии, Испании).

Одна из проблем в сфере экономического регулирования, которая непримимо разделяла две рассматриваемые правовые системы, это вопрос о подходах к управлению экономикой.

В основе капиталистической системы всегда находилась и сейчас находится свобода предпринимательской деятельности, свобода конкуренции, запрет монополизма, рыночная экономика. Ортодоксальные социалистические конституции закрепляли огосударствление экономики, централизованное, директивное управление ею, государственную монополию на управление, огосударствление производства и распределение.

Основой управленческой деятельности был государственный план, принявшийся в форме закона. Принцип государственного планирования экономики был закреплен в конституциях. Существовало централизованное распределение товаров и услуг. Рынок осуждался как анархия производства и отвергался.

Современные конституции стран тоталитарного социализма уже упоминают о рыночной экономике особого рода («социалистической рыночной экономике» — ст. 15 Конституции КНР 1982 г. с последующими поправками). Правда, прежний акцент на роль государства остается: рыночную экономику «превращает в жизнь государство», — гласит эта статья.

С другой стороны, в науке капиталистических стран уже давно (со времен английского экономиста Дж. Кейнса (1883–1946) говорится о необходимости участия государства в экономическом регулировании. В конституциях стран Европы (Испания, Португалия) это находит свое выражение в признании необходимости государственного планирования экономики, в принятии государственных планов развития страны. Правда, в отличие от стран тоталитарного социализма такие планы имеют не директивный, а индикативный (ориентирующий) характер, но в принципе идея государственного планирования экономики воспринята правовой системой современного капитализма.

В сфере конституционного регулирования социальных отношений изначально две рассматриваемые правовые системы разделял подход к понятию «народ», его составу.

Конституции капиталистических стран говорили прежде всего о народе как единой совокупности индивидов, его решающей частью являлся избирательный корпус (граждане, имевшие избирательные права). Народ в конституциях не разделялся на какие-либо классы, слова «рабочий класс», «крестьянство», «эксплуататорский класс», «трудящиеся», «эксплуататоры» были совершенно чужды таким конституциям. Провозглашалась власть народа. В ортодоксальной правовой системе тоталитарного социализма понятие «народ» отвергалось. Считалось, что оно в интересах господствующего класса буржуазии маскирует, прикрывает словом «народ» реальное положение, классовые антагонизмы в ка-

питалистическом обществе и на ранних ступенях строящегося социализма. Вместо понятия «народ» в конституциях тоталитарного социализма использовались названия «трудящиеся» и «эксплуататоры», «рабочие» и «крестьяне», классы «буржуазии» и «пролетариата» (а также слой «интеллигенция»), «трудовые» и «эксплуататорские» классы, причем главным, ведущим в обществе объявлялся рабочий класс. Это положение было закреплено в конституциях. Понятие «власть народа» отвергалось, говорилось о власти рабочих и крестьян, диктатуре пролетариата.

В современных конституциях капиталистических стран (Италия, 1947 г., Бразилия, 1988 г. и др.) все чаще говорится о трудящихся, о том, что им принадлежит особая роль в обществе, о защите интересов трудящихся, о значении труда.

Даже Основной низам Саудовской Аравии 1992 г. содержит положение, что собственность, капитал и труд составляют основы общества. Правда, понимание трудящихся в правовой системе современного капитализма иное, чем в социалистической системе: предприниматель, капиталист, «буржуй», занимающийся общественно полезным трудом (например, управление предприятием), — тоже трудящийся с позиций системы капитализма.

С другой стороны, в конституциях современных стран тоталитарного социализма теперь тоже говорится о народе, власти народа. Правда, эти формулировки толкуются по-своему, прежние шаблоны о диктатуре иногда сохраняются. Одновременно с положениями о власти народа в Конституции КНР говорится о «демократической диктатуре».

В результате взаимовлияний (а также роли международного права) изменились подходы к правам человека. Конституции ортодоксального социализма не признавали естественных прав человека (говорилось только о правах гражданина, дарованных государством), конституции капиталистической правовой системы не знали социально-экономических прав (кроме права частной собственности) и умалчивали об обязанностях человека и гражданина (позже в них говорилось о таких обязанностях, как, например, уплата налогов). В настоящее время в большинстве конституций капиталистических стран есть нормы о социально-экономических правах граждан, иногда об обязанностях, а в конституциях стран современного тоталитарного социализма упоминается о правах человека, хотя основной акцент ставится на права граждан, дарованные людям социалистическим государством.

Разделение властей в конституциях стран тоталитарного социализма первоначально решительно отвергалось, будучи заменено, по Марксу, «прозаическим разделением труда». Вместо понятий «законодательная», «исполнительная», «судебная власть» использовались названия: органы государственной власти, органы государственного управления, органы суда, органы прокуратуры. По существу, такой подход и сейчас присутствует в конституциях осовремененной правовой системы тоталитарного социализма. Однако вместе с тем в последние годы путем поправок в конституции некоторых стран включено упоминание о разделении властей. С другой стороны, в праве стран либерально-

социального капитализма упраздняется жесткое разделение полномочий законодательной и исполнительной власти, В либерально-социальной правовой системе современного капитализма теперь существуют делегированное законодательство (акты, имеющие силу закона, издает по уполномочию парламента правительство), регламентарная власть или так называемое регламентарное законодательство (акты такого рода издает глава государства без такого полномочия в каждом случае, на основе общих положений конституции). Официально такие акты не называются законами, но фактически это законы от имени исполнительной власти.

Появилось и несколько законодательных органов, акты которых имеют название «закон». В Италии, Португалии, Бразилии и некоторых других странах такие законы издает не только парламент в целом, но и некоторые его постоянные профильные комитеты или комиссии (так называемые решающие комитеты, комиссии). Правда, такие законы издаются по менее важным вопросам (конституция устанавливает такой перечень, по поручению самого парламента и, например, в Италии одна десятая часть членов парламента или комиссии (комитета) может этому воспрепятствовать (не согласиться).

Вряд ли такие новеллы связаны только с влиянием правовых институтов тоталитарного социализма. Эти новеллы в странах капитализма были вызваны к жизни прежде всего быстрым ускорением общественного развития, когда медленно работающий парламент часто не успевает за движением жизни. Однако и влияние практики правотворчества социалистической правовой системы в данном случае не исключается.

Ортодоксальная социалистическая доктрина решительно отвергала понятие правового государства. Резонно говорилось, что государство само издает и отменяет правовые акты, законы, творит право. Правда, при этом не всегда учитывалось, что в конечном счете действия государства были обусловлены потребностями общественной жизни, и совсем не учитывалось, что государство связано правом: будучи изданы государством, его органами, правовые акты обязательны и для государства, они связывают государство. Пока такие акты не отменены, государство и его органы обязаны им следовать, выполнять их.

Теперь положение несколько изменилось. В текстах некоторых конституций современных стран тоталитарного социализма есть упоминания о правовом государстве. Однако реализация этого принципа не может быть полностью осуществлена при действии другого, как считается, более важного принципа — руководящей роли коммунистической партии в обществе и государстве.

Мы назвали несколько примеров взаимовлияния глобальных правовых систем, принципиально отличных по своей сущности. Есть и другие факты, они нуждаются в дополнительных исследованиях. Вместе с тем приведенные примеры показывают, что взаимовлияние антагонистических систем осуществляется и может осуществляться только в известной мере и до известной степени, в специфических формах. Антагонистические системы вряд ли могут просто слиться без преобразования их существа. Либерально-социальная система капитализма не может воспринять, например, принципы господства социалистиче-

ской собственности в экономике, руководящей роли коммунистической партии, демократического централизма, идею системы советов вместо местного самоуправления, обязательность марксистско-ленинской идеологии (теперь — с национальной спецификой, в Китае дополнительно к марксизму-ленинизму в конституции названы идеи Мао Цзедуня и Дэн Сяопина, на Кубе — Хосе Марти, во Вьетнаме — Хо Ши Мина и т.д.), авторитаризм и персонализм государственной власти. Правовая система тоталитарного социализма не может воспринять капиталистические принципы в качестве своей основы, пока она остается социалистической. Иначе она перестанет быть таковой. Это тоже понятно.

Взаимовлияние трех глобальных правовых систем существует. Отрицать это, как было ранее в советской литературе, невозможно. Приведенные примеры это подтверждают. Имеет место и их некоторое сближение (в том числе со стороны одной из семей мусульманского права), что тоже показано выше. Однако это сближение только некоторых элементов той или иной глобальной правовой системы. Конвергенция, если можно об этом говорить, имеет частичный, крайне ограниченный характер. Она очень далека от гармонизации, элементы которой наблюдаются в некоторых семьях права, принадлежащих к одной и той же глобальной правовой системе (особенно это происходит через право Европейского Союза). Несмотря на возрастающее сближение глобальных правовых систем, оно имеет свои объективные пределы: их формационно-цивилизационные принципы не могут быть изменены или утрачены, не могут быть восприняты другой глобальной правовой системой, ибо такие системы непримиримы, антагонистичны.

Сближение правовых систем в современном мире происходит, их взаимовлияние возрастает, но пока что в ортодоксальной мусульманской, либерально-капиталистической, осовремененной тоталитарно-социалистической системах есть такие конституционные положения, которые никогда не могут быть восприняты иными системами, поскольку такие положения непримиримы, антагонистичны. А если такие положения есть в конституциях, то они пронизывают и другие отрасли права, исключая их гармонизацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Коран — записи проповедей пророка Мухаммеда, сделанные после его смерти; Сунна — записи воспоминаний о поведении и поступках пророка; шариат — праведный путь общественной и личной жизни мусульманина, в основе которого находятся поучения Корана и Сунны.
- (2) Некоторые современные мусульманские правоведы признают, знают, что в шариате содержатся неоднозначные положения, которые используются для экстремизма. В связи с этим в мае 2012 г. состоялась Международная конференция богословов 23 стран, которая дала современные толкования спорным понятиям ислама — такфиру (обвинению в неверности исламу), джихаду, который односторонне толкуется как объявление войны «неверным», идее вселенского халифата и некоторым другим понятиям ислама. По результатам конференции 30 мая 2012 г. принята не фетва (обязательное заключение муджтахидов, имеющих право самостоятельно толковать положения Корана), а Декларация («научно обоснованный документ»), разъясняющая неправильно пони-

маемые положения ислама, которые используются определенными силами, в том числе для совершения террористических действий. В выводах Конференции содержится 18 пунктов, которые толкуют содержание некоторых положений ислама и мусульманской системы права. Среди них ислам запрещает проливать кровь и причинять ранения; джихад многосторонен и не сводится к вооруженным действиям, приказ же о военном джихаде может отдать только законный правитель; халифат не может создаваться на территории суверенного государства; посягательства на жизнь и имущество людей не могут быть оправданы фактом их неверия («куфр»); обвинение в неверии и суровые последствия отсюда — только право Аллаха, даже муджтахиды не вправе выдвигать тафир против кого-либо; нельзя чинить препятствия немусульманам, мирно живущим среди мусульман, проявление дружбы к ним не запрещено в исламе (например, помощь больным) и др.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее // Т. III: Северное Причерноморье — пространство взаимодействия цивилизаций. — М., 2008.
- [2] Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Соколова; пер. с англ. — М., 1992.
- [3] Тойнби А. Постижение истории. — М., 1991.
- [4] Almond G., Verba S. The Civic Culture. — Princeton, 1963.
- [5] The Oxford Handbook of Comparative Law / ed. by M. Reimann, R. Zimmermann. — Oxford, 2008.

THE LEGAL SYSTEMS OF MODERN TIMES: MUTUAL INFLUENCES, CONVERGENCE AND ANTAGONISMS

V.E. Chirkin

The Department of Comparative Law
Institute of State and Law, RAS
10, Znamenska st., Moscow, Russia, 119019

The article discusses the relationship of global legal systems: Muslim, liberal-social capitalism and totalitarian socialism as the latter exists in five countries survived the totalitarian socialism (Vietnam, China, Cuba, North Korea (DPRK), Laos), where along with principles of socialist economy, although in different degrees (greater China, almost imperceptibly in the DPRK), there is private property and there is regulated by the State market relations, and in constitutions included provisions on human rights, the separation of powers, the rule of law, previously considered as « bourgeois » conceptions. The antagonism of the fundamentalist Muslim family law (Oman, Saudi Arabia, etc.) in a relationship with other legal systems, as well as elements of convergence of a Muslim family in the « advanced », modernizing countries (Egypt, Iraq, etc.) with other systems.

Key words: legal systems, legal families, liberal-social capitalism, totalitarian socialism, antagonism, mutual influence, private property, regulated market economy.

REFERENCES

- [1] *Kuzyk B. N., Jakovec Ju. V.* Civilizacii: teorija, istorija, dialog, budushhee // Т. III: Severnoe Prichernomor'e — prostranstvo vzaimodejstvija civilizacij. — М., 2008.
- [2] *Sorokin P.A.* Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo / obshh. red., sost. i predisl. A.Ju. Sogomonov: per. s angl. — М., 1992.
- [3] *Tojnbі A.* Postizhenie istorii. — М., 1991.
- [4] *Almond G., Verba S.* The Civic Culture. — Princeton, 1963.
- [5] The Oxford Handbook of Comparative Law / ed. by M. Reimann, R. Zimmermann. — Oxford, 2008.